

Звук флейты был полон скорби, как будто она плакала и жаловалась. Го И сидел один у озера, и в глазах Мужун Ли, что проследовал за ним, эта картина казалась вовсе не земной. Он испытывал глубокое чувство вины, считая, что всё это произошло по его вине. Из-за него младший ученик недоволен, и теперь учитель опечалился так, что среди ночи ушёл к озеру изливать душу в звуках флейты.

Мужун Ли тихо подошёл и сел рядом с Го И, без слов разделяя с ним этот миг. Он старался смотреть вокруг как можно более естественно, чтобы не тревожить.

Близился август, но здесь, в Сычуани, извилистые горные дороги, и такая редкая картина с озером была словно дар. Озеро, окружённое горами, напоминало чашу.

На склонах всех гор виднелись большие каменные изваяния будд и высеченные молитвы. Даже в глухую полночь Мужун Ли, обладая острым зрением, мог разглядеть их без труда. Всё вокруг было тихо и спокойно. Лишь изредка звучали стрекот кузнечиков да раздавался тот самый звук флейты, лёгкий и прозрачный, как ветер, плавно катящийся между гор.

Неизвестно, то ли печаль Го И уже начала рассеиваться, то ли на него повлияла окружающая красота, но после траурной мелодии, посвящённой покойной жене, он постепенно перешёл к другой – спокойной и ясной, как тёплая вода, не холодная и не горячая, приносящая тихое утешение.

Однако именно в этот момент внезапно раздался резкий аккорд цитры, пронзивший ночное небо и нарушивший ту тонкую, чистую атмосферу, которую создавал звук флейты.

Если уж и нужно было бы описать это в образах, то всё происходящее напоминало дым сигнальных костров, внезапно поднимающийся посреди равнины, за которым сразу же раздавался звук боевого рога, а зат, будто тысячи войск с грохотом мчались в наступление, и звуки сражения не утихали ни на миг!

Звук цитры становился всё выше, всё мощнее, волна за волной накатываясь, казалось, что он заставляет брызги воды взлетать над гладью озера. Мирная картина исчезла, оставив лишь тревогу и бурю. И даже такой человек, как Мужун Ли, выросший в военном стане, почувствовал, как в груди закипает кровь, и волна боевого азарта охватывает всё тело. Если бы не продолжавшийся, всё более мягкий и спокойный звук флейты Го И, он, вероятно, уже вскочил бы и бросился в бой на первого попавшегося противника!

Го И тоже приходилось нелегко: чем мягче и спокойнее он играл, тем более вызывающей становилась музыка цитры, словно она принуждала его вступить в бой, поддаться и изменить мелодию на яростную, воинственную. Даже в его сердце всё сильнее нарастало желание сражаться, всё труднее становилось сдерживаться.

Резко оборвав игру, Го И вскочил и взмыл в воздух, казалось, он ступает по невидимым волнам, поднявшимся над озером, и громко воскликнул:

— Кто ты, мастер, скрывающийся, в таком уединённом месте? Не желал тревожить, это вина моя, Го И. Но раз уж вы нарочно зовёте на бой, прошу, явите себя во всей славе!

Как только слова его затихли, донёсся слегка знакомый голос:

— Мы не виделись пять лет. Тайфу по-прежнему спокоен, как вода. Даже звуки битвы не могут пробудить боевой дух, скрытый глубоко в сердце Нань Го?

Едва этот голос прозвучал, как Мужун Ли уже воскликнул:

— Императорский брат*! (Хуансюн - императорский страшный брат)

Го И тоже был потрясён:

— Ваше Величество? Как Вы оказались здесь?

Пока они говорили, с противоположного берега, из зарослей камыша, выплыла небольшая лодка. На ней, восседая с достоинством, сидел мужчина в тёмной учёной одежде, перед которым стояла цитра.

Тот мужчина в тёмных одеждах действительно был немного похож на Мужун Ли, но в то же время совсем не обладал его прямоотой и солидностью. У него было вытянутое лицо с высоким лбом, узкие и длинные глаза феникса, в которых тёмные зрачки переливались блеском, длинные брови слегка приподняты, хотя уголки губ изогнуты в едва заметной улыбке, но в ней таилась холодность, и хотя уголки глаз были опущены, но в них угадывалась печаль.

Если уж сравнивать, он был куда красивее Мужун Ли, а по духу и утончённости гораздо ближе к самому Го И.

Когда лодка доплыла до середины озера, мужчина поднялся. При нём не было ничего, кроме нефритового драконьего подвеска на поясе. Он внезапно покинул лодку и, сделав несколько стремительных шагов по глади воды, лёгким прыжком оказался перед Го И.

Не дав ни ему, ни Мужун Ли времени среагировать, он сразу склонился в почтительном поклоне и произнёс:

— Учитель! Этот ученик уже полмесяца как ждёт вас здесь!

И даже в голосе его слышалась лёгкая нотка сдерживаемого волнения.

— Как же так? — Го И был ошеломлён, поспешно подхватил его за руки, внимательно

всмотрелся в лицо и с нахмуренными бровями спросил: — Будучи правителем Поднебесной, вы покинули дворец в одиночку и скрывались в этих горах две недели? Скажите, Ваша Светлость, что это за поступок такой?

Даже Мужун Ли не смог сдержаться и схватил мужчину за руку:

— Императорский брат, разве Сугун не договорился с вами перед отъездом? Почему вы теперь так безрассудны?

Прибывшим человеком и впрямь оказался правящий император государства Юэ - Мужун Ши.

Мужун Ши махнул рукой в сторону Мужун Ли, жестом показывая ему не мешать, а сам усадил Го И прямо на месте и с лёгкой улыбкой сказал:

— Учитель, мы не виделись целых пять лет. Как вы поживали?

Го И нахмурился, глядя на своего ученика - императора, и вопросов в его душе становилось всё больше. Тем не менее он ответил:

— Живу неплохо. Только не пойму, зачем Ваша Светлость явились в такие дикие места? Уж не ради того ли, чтобы поджидать, пока Исюань случайно пройдёт этим путём?

Мужун Ши обернулся, бросил взгляд на Мужун Ли, затем снова посмотрел на Го И и с горькой улыбкой покачал головой:

— Похоже, Сугун и вправду сдержал слово и не стал рассказывать вам раньше времени, чтобы не тревожить вас делами двора.

Го И сразу понял, что дело неладно. В голове у него промелькнуло множество догадок. Он чуть наклонил голову, пристально посмотрел на Мужун Ши, после чего произнёс:

— Судя по виду Вашей Светлости, дело хоть и тревожное, но не столь неотложное, чтобы скакать сломя голову. Неужели... снова что-то случилось с императрицей-матерью?

— Учитель поистине божественен (совершенный, необыкновенный человек), — тяжело вздохнул Мужун Ши. — Не только императрица-мать. Ещё и господин первый министр.

Го И ахнул, но затем, словно вспомнив что-то, кивнул:

— Значит, он всё же не смог усидеть. Жаль... очень жаль.

Теперь удивился уже Мужун Ли. Он снова наклонил голову ближе к Го И и с изумлением прошептал:

— Учитель, неужели вы с самого начала подозревали, что у господина Ли есть тайные замыслы и нечистые помыслы?

Го И лишь усмехнулся и мягко отстранил голову Мужун Ли, после чего вновь взглянул на Мужун Ши:

— Здесь не дворец, потому я не стану играть в церемонии. Ши-Эр лучше скажи учителю: зачем ты самовольно покинул двор?

Мужун Ши почесал нос, выглядя почти так же неловко, как в детстве, когда его ловили на проказах:

— Господин Ли с вдовствующей императрицей в последнее время каждый день под предлогом подготовки к моему дню рождения насылают на меня слуг и стражу, не сводя глаз. Мне стало тяжело дышать, я боялся, что они выдумают предлог, чтобы меня скомпрометировать. Тогда, воспользовавшись моментом, когда летучий вестник (фейну - обр. о почтовом голубе) передавал письмо, я объявил, что поеду на запад с инспекцией перед днём рождения. На деле же отправил Вана Фу с двойником, кто похожего телосложением, в императорской карете и с императорской гвардией, а сам спрятался здесь, в одном из горных домов у этого безымянного озера.

С этими словами он небрежно указал на противоположный берег озера. Там в самом деле виднелся небольшой павильон, длинная извилистая галерея тянулась к самому озеру и заканчивалась пристанью, видимо, Мужун Ши приплыл именно оттуда.

— О? — Го И приподнял бровь, с улыбкой, в которой смешались насмешка и беспокойство. — День рождения императора - событие государственного масштаба. Послы из других стран наверняка уже в пути, чтобы прибыть во дворец. А ты вот так просто сбежал? Не боишься, что из этого может выйти беда?

— Что может случиться? — пробурчал Мужун Ши. — Армия - это сплошь ваши ученики, а двор - люди господина Ли. Сколь бы он ни жаждал занять мой трон, он ни за что не отдаст страну чужеземцам.

Мужун Ли рассмеялся:

— Ха-ха, старший брат, ты, конечно, умён. Но откуда тебе знать, что господин Ли и её величество, твоя тётка, не являются тайными агентами других стран, заброшенными к нам много лет назад?

Го И с улыбкой так прищурил глаза, что те превратились в тонкие щёлочки, покачал головой и с видом заговорщика посмотрел на Мужун Ши, будто намеренно стал на сторону Мужун Ли, чтобы поставить его в затруднительное положение.

Мужун Ши яростно сверкнул глазами в сторону Мужун Ли, в узких глазах-хищниках вспыхнула такая убийственная ярость, что Мужун Ли чуть не сорвался и не бросился в драку!

Го И тоже опешил, поспешно шагнул вперёд, встал между двумя братьями, с тревогой спросил:

— Ши-эр, неужели ты что-то не договариваешь учителю? Почему же ты в таком живописном месте прятался целый месяц, да ещё с такой затаённой яростью, словно у тебя в груди притаилась огромная жажда мести?

Мужун Ши, услышав это, отступил на несколько шагов, опустил голову и с почтением ответил:

— Учитель, Ши-эр лишь злится, что дело с отравлением отца до сих пор не раскрыто...

При этих словах в его голосе уже звучали сдержанные всхлипы:

— С тех пор, как я унаследовал трон, каждый мой шаг находится под присмотром и слежкой со стороны вдовствующей императрицы и премьер-министра. Даже когда я посылал весточку вам, они наверняка об этом знали. Иначе как объяснить, что они так легко согласились отпустить меня?... Учитель! Ши-эр умоляет вас вернуться ко двору - ради отца, ради покойной шинян, ради нас с Ли-эром, ради народа Юэ!

Договорив, он с грохотом опустился на колени перед Го И и зарыдал в голос:

— Ши-эр не трус, но при дворе полно последователей господина Ли, и последнее слово за ним, а во дворце вдовствующей императрица стравливает наложниц, Ши-эр и шагу ступить не может. Если бы не Сугун, который держит армию под своим контролем, не знаю, не сменилось бы государство Юэ на династию Ли!